

Н.М. Куренная (Москва, Россия)

Великая война в славянских литературах

Аннотация: В статье анализируется своеобразие трактовки военной темы в славянских литературах. Для произведений о Великой войне, созданных в славянских странах, характерны типологические схождения мотивов, пацифистские настроения, сложная контаминация чувств, художественно сильно запечатленная персональная память о войне.

Ключевые слова: славянские литературы, война, документализм, автобиографичность, типология

N.M. Kurennaia (Moscow, Russia)

The Great War in Slavic Literatures

Abstract: The article analyzes the specific features of the interpretation of the military theme in Slavic literature. The works of literature about The Great war created in Slavic countries are characterized by typological convergence of motives, pacifist moods, complex contamination of feelings, artistically fixed personal memory of the war.

Key words: Slavic literatures, war, documentary, autobiography, tipology

Историческая наука и литература имеют общий предмет исследования – историю человеческого общежития, которая исследуется различными областями знаний. Говоря о проблеме взаимоотношений истории и художественного произведения, Р. Барт писал: «Перед нами два континента: с одной стороны, мир как изобилие политических, социальных, экономических, идеологических фактов, с другой стороны, художественное произведение, на вид стоящее особняком, всегда многомысленное, поскольку оно открывается несколькими значениями... С одного континента доносятся лишь разрозненные сигналы; становятся видны отдельные сходства между континентами»¹.

Прочтение и интерпретация фактов истории в литературном произведении происходит постоянно: «Они запечатлеваются в памяти не только одного читателя, но и общества в целом, становятся частью исторического самосознания»². Нельзя не согласиться с мнением украинского литературоведа Д.В. Затонского о

¹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 209–210.

² Софронова Л.А. История и культура // Культура и история. М., 1997. С. 13.

том, что литература, в первую очередь созданная по следам событий, тонко и точно фиксирует и состояние отдельного человека и социальной группы: «Искусство определенным образом вступает в содружество с научной мыслью и нередко намного опережает ее в истолковании событий»¹.

Память и представления о Первой мировой войне в современном общественном сознании довольно долго находились в определенном забвении, что отчасти можно объяснить целым рядом эпохальных общественно-политических причин, кардинально изменивших миропорядок во всей Европе; так, например, в отечественном случае, февральской и октябрьской революциями, Гражданской войной, еще более разрушительными и трагическими событиями и последствиями Второй мировой войны. Представляется, что, обратившись к фиксированным в литературе и искусстве персональным и коллективным свидетельствам и представлениям об этой войне, можно пробудить интерес к причинам и обстоятельствам этого грандиозного события, расширить до сего времени самые общие представления о массовых и индивидуальных эмоциональных реакциях на него. Благодаря произведениям самых разных жанров: хроникам, дневникам, записям по «горячим следам», гражданско-патриотической и лирической поэзии, – перед заинтересованным читателем предстает глубокая, нередко основанная на личном опыте, трагическая картина войны, которая поставила под вопрос все мировое устройство. Чех Карел Тейге, крупнейший представитель европейского авангарда, анализируя духовную атмосферу, сложившуюся после окончания Первой мировой, писал: «Из войны человечество вышло усталым, беспокойным, растерявшим свои иллюзии, неспособным мечтать, любить, жить лучше и по-новому»². Для того чтобы выйти из состояния упадка и уныния, порожденных войной, которая была мощнейшим «разрушителем укоренившихся идеалов, возникла необходимость осмысления трагического опыта войны и нового взгляда на себя и на мир»³.

Существенна роль в переходе к кардинально изменившейся послевоенной жизни в славянских странах литературы и искусства, эмоционально достоверно рассказавших миру о неисчислимых жертвах той войны, о чувстве безысходности, подчиненности человеческого существования некоей злой воле в лице развязавших ее. В то же время снова и снова литераторы пытались предостеречь мир от будущих военных конфликтов, возвеличивая ни с чем не сравнимую ценность мирной жизни. Одновременно литература пацифистского толка, в определенной мере, способствовала зарождению робких ростков мирной жизни на новых основаниях.

Первая мировая война послужила детонатором двух тектонических геополитических процессов: гибели и распада огромных империй и возникновения новых независимых государств, в том числе славянских: Польши, Чехословакии, Югославии, Беларуси, Украины. Таким образом, в той или иной степени все славянские народы оказались в эпицентре трагического исторического события. Продолжение прежней довоенной жизни было невозможно в силу самых разных причин, но прежде всего из-за кардинально отличного от предыдущих военных конфликтов характера войны, закончившейся в 1918 г. По мнению авторитетного исследователя этого периода В.Н. Виноградова, Великая война стала «цивилизационным

¹ *Затонский Д.В.* Эрих Мария Ремарк, или Двадцать лет спустя // Художественные ориентиры XX века. М., 1988. С.107.

² *Teige K.* Poetismus // Avantgarda známá a neznámá: Od Proletářského umění k poetismu. 1919–1924. Sv. I. Praha, 1971. S. 560.

³ *Волков В.К.* Вместо предисловия // Первая мировая война в литературах и культурах западных и южных славян. М., 2004. С. 6.

рубежом в истории человечества... Можно сказать, что не было ни одного явления экономической, политической, социальной, культурной и духовной жизни XX столетия, на котором не сказались бы последствия Первой мировой войны»¹.

Вряд ли в одной статье возможно даже фрагментарно обозначить спектр наиболее известных и художественно значимых произведений славянских авторов о Великой войне, поскольку их корпус довольно значителен. Однако можно попытаться хотя бы эскизно создать художественно-документальный образ этого эпохального события, собранный из разных фрагментов: из поэтической рефлексии, мемуаров, документальных источников. Весь этот корпус можно условно разделить на две неравнозначные части. Одна, меньшая, объединяет непосредственные, едва ли не сиюминутные отклики на войну, это, как правило, поэтические произведения, в которых больше эмоциональных реакций на события (что закономерно), чем какой-либо документальности и аналитики; во вторую группу входят произведения, созданные по прошествии времени, они отличаются глубоко отрефлексированным подходом к значимому историческому событию. Это, как правило, произведения больших художественных форм, таких как повесть, роман, хроники.

Тема Великой войны занимала значительное место в литературе славянских стран, особенно в первое десятилетие после ее окончания. Наиболее многочисленные и значительные в художественном отношении поэтические произведения, по мнению многих критиков, были созданы польскими авторами. Однако довольно быстро патриотические и пацифистские мотивы, овеянные героико-романтическим ореолом, ушли на периферию польской литературной жизни, им на смену пришли прозаические произведения, посвященные расчету с недавним военным прошлым, «жизни и судьбе» рядовых Великой войны. Значительно изменилась и парадигма польской литературы о трагическом событии мирового масштаба, смысловые акценты сместились на античеловеческую, ужасающую военную повседневность, наполненную смертями, болью, грязью.

Естественно, славянские авторы создавали свои произведения о войне не в изоляции, они не отличались от других европейских писателей каким-то особым видением войны и обстоятельств, связанных с этим исключительным историческим событием. Но все же их книги, описывающие трагизм войны и ее восприятие непосредственными участниками, имели специфические приметы, заслуживающими внимания. Среди славянских литератур есть литературы-лидеры, наиболее плодотворно откликнувшиеся на мировой военный конфликт, к ним, в первую очередь, относится югославянская словесность, которую представляли такие известные имена, как словенец Иван Цанкар, хорват Мирослав Крлежа. Одним из наиболее значительных сербских писателей межвоенного периода стал Милош Црњанский, автор ряда прозаических произведений о войне, в том числе лирического романа «Дневник о Чарноевиче» (1921), выполненный в исповедально-документальной манере, которая была присуща и представителям других литератур, например, малоизвестной в то время белорусской. Повесть «На империалистической войне. (Записки солдата 2-й батареи N-ской артиллеристской бригады Левона Задумы)» (1926) белорусского писателя Максима Горецкого и вышеупомянутый роман сербского автора роднят образы главных персонажей, которые порой до неразличимости схожи с судьбами, фактами биографии, личными историями

¹ *Виноградов В.Н.* О новых подходах к истории Первой мировой войны // Первая мировая война в литературах и культурах западных и южных славян. М., 2004. С. 13.

участвовавших в военных действиях их создателей. Схожи и философские раздумья главных героев о необъяснимой жестокости и абсурдности войны, невозможности ее рационального объяснения. «М. Горецкий хотел оставить в памяти потомков антропологический портрет войны, свою задачу он видел в документально-художественной фиксации повседневного быта и горького опыта человека на войне, его “превращения”, страшные подробности военных будней, жизнь не по правилам, лишенную привычных моральных законов»¹.

Нагруженные тяжелым окопным опытом, молодые югославянские литераторы вернулись с войны, по существу, в новое единое югославянское государство (1918). С одной стороны, они приветствовали его рождение, ощущая свою причастность к этому событию, с другой же – испытали сильное разочарование, причиной которого стала оставшаяся почти неизменной внутренняя политика и идеология, провозглашенная властями. На войне им представлялась совсем другая мирная жизнь, с новым политическим укладом и новой идеологией; деятели культуры – участники войны критиковали прежние идеологические ориентиры, в первую очередь косовский культ, один из ключевых сербских мифов, положенный в основу процесса национальной идентичности. Их творческий путь лежал в другом направлении: свои поэтические произведения о Великой войне молодые югославянские поэты создавали в новой авангардистской эстетике, отличной от традиционных литературных форм: новые темы, продиктованные новым послевоенным мирозерцанием, требовали обновленного поэтического языка.

Справедливо считается, что в русской литературе тема Первой мировой войны получила довольно слабое и нередко тенденциозное освещение по сравнению с литературой других славянских стран. Такое мнение разделяют и многие отечественные историки, полагающие, что в русской литературе Первая мировая война не нашла достойного отражения. Отчасти это так. Однако объяснить подобный, относительно слабый отклик на войну с чудовищными потерями русских войск (около 11 млн человек) едва ли можно только бурными общественно-политическими событиями, заслонившими события Великой войны. Еще одной значительной причиной отсутствия широкого творческого резонанса можно считать труднообъяснимую тенденцию, наблюдавшуюся в начале Великой войны как в России, так и в других славянских странах, которой сопутствовал определенный взрыв творческой энергии. Имеется в виду широко распространенный энтузиазм, царивший в кругах творческой интеллигенции, в том числе и русской, иногда даже переходящий в ликование по поводу начала боевых действий. Известные русские литераторы того времени: Константин Бальмонт, Федор Сологуб, Марина Цветаева, Михаил Кузмин, Сергей Городецкий – приветствовали начавшуюся войну как «очистительную грозу» в надежде на ее позитивные для Европы последствия. Однако и тогда и сегодня такая позиция вызывает определенное непонимание и недоумение. Естественно, творческая интеллигенция была особенно привержена идее славянского единства и соучастия, что нашло отражение в литературе и с неизбежностью повысило градус патриотизма в российском обществе. В то же время ряд писателей и поэтов: М.М. Зощенко, Саша Черный (А.А. Гликберг), А.А. Блок, Н.С. Гумилев, Велимир Хлебников и многие другие – не только откликнулись на военные события в своем творчестве, но и лично приняли участие в Первой мировой войне в качестве военнослужащих и вольноопределяющихся.

¹ Куренная Н.М. Белорусская художественно-документальная проза // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2018. С. 40.

Особое отношение к войне с первых ее дней отличало З.Н. Гиппиус, создавшую цикл стихотворений, проникнутых гневными пацифистскими настроениями и мудрым предупреждением-предвидением о возможности грядущих поражений и массовых трагедий. Уже в конце августа 1914 г. она публикует стихотворение «Тише», призывающее воздержаться от шапкозакидательных настроений, царивших в интеллигентской среде:

В часы неоправданного страдания
И нерешенной битвы
Нужно целомудрие молчания
И, может быть, тихие молитвы.

Вслед за этим стихотворением Гиппиус создает еще одно – «Все она» – о характере бушующей войны, которую поэтесса сравнивает с бездушным механизмом, в топку которого забрасываются и с той и другой стороны все новые и новые жизни:

Все едины, все едино,
Мы ль, они ль... смерть – одна.
И работает машина,
И жует, жует война...

Особое место в русской литературе, посвященной событиям Великой войны, занимает творчество Саши Черного, автора поэтического цикла «Война» (1922). В августе 1914 г. он, уже известный поэт, уходит на фронт добровольцем и служит в разных родах войск до ее конца. Поэтический дар Саши Черного высоко ценили и мэтры русской литературы, и начинающие литераторы, его творчество было востребованным. Цикл «Война» был опубликован поэтом в эмиграции в сборнике «Жажда», потому знакомство с ним массового российского читателя стало возможным только спустя десятилетия. Цикл «Война» – поэтическая хроника военных будней, воссоздающая атмосферу призывного пункта, наполненная растерянностью призывников, слезами матерей и жен, страшным натуралистическим описанием полевого госпиталя, подобного безостановочному конвейеру, берущими за душу строчками письма шестилетнего малыша отцу на фронт, лирико-драматической картиной выздоровления молодого парня в деревне после тяжелого ранения. Поэтический цикл «Война» отличается полным отсутствием патетических и псевдопатриотических нот.

Знакомству с повседневной обстановкой на фронтах, где сражались английские солдаты, посвящена малоизвестная рядовым читателям книга К.И. Чуковского «Заговорили молчавшие. Томми Аткинс на войне» (1915 г.). Это произведение русского автора – документальное исследование опубликованных в английской периодической печати фронтовых писем солдат союзнической армии (Томми Аткинс – собирательный образ английского солдата, аналогичного образу коллективного «рядового Иванова», по мысли Чуковского). Основной целью своей книги писатель считал, с одной стороны, углубленное знакомство широкого круга российских читателей с солдатским бытом, с другой же – авторской попыткой разрушения стереотипов и клише, бытовавших в русском общественном сознании об Англии и англичанах. По мнению Чуковского, солдатские письма – создание современной ему эпохи. «Дело не в отдельном солдатском письме как бы ни было оно занимательно, а в целой Ниагаре этих писем, пускай однообразных, банальных, но затопивших собою весь мир! Тем-то и дорого это явление, что оно хоровое, гуртовое, оптовое. Для социолога в нем откровение. Для изучателя

массовой психики оно – драгоценнейший клад»¹. Глубоко погружаясь в анализ фронтовых писем английских солдат, Чуковский искренне печалится о том, что еще не собраны письма русских солдат: «Я уверен, что то коллективное, массовое, сплошное лицо, которое отразилось бы в них, было бы духовной красоты удивительной. Может быть, перед нами явился бы лик нового Платона Каратаева, широчайший поэтический образ всемужицкой, всеславянской души, а может быть, другой, неожиданный, еще святее и благостнее»². Писатель знакомит читателей с одним единственным письмом некоего казака Владимирова. В этом послании, как в капле воды, отразились многие характерные типические черты писем русских солдат: склонность к преувеличениям, которые сродни поэтической лжи, наивное мифотворчество, использование древне-песенного эпического орнамента, в том числе и традиционных деревенских поклонов многочисленной родне. «И часто в основе этих писем лежит то неосознанное религиозное чувство, которое прорывалось такими вулканами в творчестве наших народнейших гениев: та же тревога о совести, о Боге, о душе, о праведной, правильной жизни»³. Письма английских рядовых совсем иного характера. Они сухи, неэмоциональны, главное в них голые факты, эти письма, по существу, своеобразное дополнение к газетным публикациям. «Характерно, – пишет Чуковский, – в письмах британских солдат отсутствие самонаблюдения, самоанализа... Зато по их письмам так легко конструировать всю историю этой грандиозной войны, – для чего совсем непригодны русские солдатские письма»⁴. Книга К. Чуковского стала своеобразным документально-художественным пособием, предназначенным, по замыслу автора, для знакомства «широких обывательских кругов» с военным союзником в лице ее рядовых «Аткинсов».

Одной из главных, фундаментальных черт, объединяющих многие произведения славянских авторов о Великой войне, стала документальность и нередко сопутствующая ей автобиографичность, использование в литературных текстах не только подлинных официальных или полуофициальных документов: приказов, воззваний, листовок, – но и многочисленных документов личного происхождения, так называемых эгодокументов – дневников, записок, писем. Исследователи отмечают хроникально-документальную основу даже в таких выдающихся художественных произведениях, как, например, всемирно известный неоконченный сатирический роман Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» (1921–1923). Для достижения сатирического эффекта писатель использовал «невыдуманные, доходящие до абсурда невероятные подлинные ситуации... Именно совпадение гротеска и документа позволяет говорить о документальном характере гашековской сатирической эпопеи и объективной карикатурности описываемых событий»⁵. Еще одной важной чертой литературы о войне можно считать почти полное отсутствие в ней мотива жесткой оппозиции «свой – чужой». На европейских фронтах Первой мировой воевало немало поэтов и писателей и с той и с другой стороны, которые вспоминали, что атмосфера, царившая в окопах, не была пропитана ненавистью к врагу, рядовому противоборствующей армии. Литераторы, участники той войны, оценивая происходившее с ними, возлагали всю

¹ Чуковский Корней. Заговорили молчавшие. Томи Аткинс на войне. Петроград, 1915. С. 5, 6.

² Чуковский Корней. Заговорили молчавшие. Томи Аткинс на войне. С. 10.

³ Чуковский Корней. Заговорили молчавшие. Томи Аткинс на войне. С. 15.

⁴ Чуковский Корней. Заговорили молчавшие. Томи Аткинс на войне. С. 16–17.

⁵ Будагова Л.Н. К литературоведческой рефлексии Первой мировой войны // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. С. 17–18.

тяжесть ответственности и вины за огромные жертвы, бесчеловечность и жестокость не на рядовых солдат противной стороны, а на сильных мира сего, преследовавших собственные цели, далекие от сострадания и лишённые даже намека на гуманизм.

В славянских литературах о Первой мировой войне наблюдаются типологические схождения мотивов и тем. К ним, например, можно отнести частотность мотива о неизвестном солдате в произведениях чешских и польских писателей, что объясняется близостью мировосприятия рядовых участников войны. Общим для прозы славянских авторов стала сложная контаминация чувств, которую можно проследить на примере югославянских литератур: «С одной стороны, это чувство опустошения, краха ценностей, идеалов, с другой – чувство рождения нового, необходимости созидания этого нового как в духовной, художественной, так и в общественно-политической жизни»¹. Еще одной общей характерной темой, о которой уже упоминалось, стали художественно оформленные пацифистские настроения и призывы.

Очевидна важность и плодотворность именно историко-культурного взгляда на Великую войну для воссоздания более объемной картины этого исторического события, участниками которого были целые народы, с присущими им особенностями национальных характеров, идеологическими и культурными традициями. К.Г. Паустовский, сам участник той войны (служил рядовым санитарного поезда) вспоминал: «Иногда мы возили раненых австрийцев. В то время Австрию насмешливо называли “лоскутной империей”, а австрийскую армию – “цыганским базаром”. Разноплеменная эта армия производила на первый взгляд впечатление скопища чернявых и невнятно худых людей в синих шинелях и выгоревших кепи...

Мы расспрашивали пленных и удивлялись: кого только не было в этой армии! Там были чехи, немцы, итальянцы, тирольцы, поляки, босняки, сербы, хорваты, черногорцы, венгры, цыгане, герцеговинцы, гуцулы и словаки... О существовании некоторых из этих народов я и не подозревал, хотя закончил гимназию с пятеркой по географии!»²

Первая мировая война, по праву именуемая Великой, для одних стала страшным уроком и горьким опытом, кого-то эта война духовно возвысила, кого-то раздавила. Об этом свидетельствуют художественные произведения, созданные многонациональным «литературным отрядом» участников той войны, чьи художественные и документальные произведения стали не только запечатленной в культуре памятью о войне, но со временем обрели свойства ценного исторического источника.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 209–212.

Будагова Л.Н. К литературоведческой рефлексии Первой мировой войны // Первая мировая война в литературах и культурах западных и южных славян. М., 2004. С. 17–18.

Виноградов В.Н. О новых подходах к истории Первой мировой войны // Первая мировая война в литературах и культурах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2004. С. 10–13.

¹ *Дзюба О.* «Дневник Чарноевиче» Миклоша Црнянского в контексте южнославянской антивоенной прозы // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. С. 166.

² *Паустовский К.Г.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. М., 1995. С. 305.

Затонский Д.В. Эрих Мария Ремарк, или Двадцать лет спустя // Художественные ориентиры XX века. М., 1988. С. 102–112.

Куренная Н.М. Белорусская художественно-документальная проза // Вектор non-fiction в славянских литературах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2018. С. 38–57.

Паустовский К.Г. Избранные произведения: В 3 т. Т. 1: Повесть о жизни. Кн. 1–3: Далекие годы; Беспокойная юность; Начало неведомого века. М.: Русская книга, 1995. 720 с.

Софронова Л.А. История и культура // Культура и история. М., 1997. С. 11–22.

Teige K. Poetismus // Avantgarda známá a neznámá: Od Proletářského umění k poetismu. 1919–1924. Sv. I. Praha: Svoboda, 1971. S. 554–561.

Чуковский К.И. Заговорили молчавшие. Томми Аткинс на войне. Петроград, 1915. С. 5–17.

REFERENCES

Barthes R. (1989) Selected Works. Semiotics. Poetics. Moscow, pp. 209–212.

Budagova L.N. To the Literary Reflection of the World War I. In: The World War I in Slavic Literatures and Cultures of Central and South-Eastern Europe. Moscow. 2004, pp. 17–18.

Chukovsky K.I. (1915) The Silent Ones Spoke. Tommy Atkins at the War. Petrograd, pp. 5–17.

Kurenaya N.M. Belarusian Fiction and Documentary Prose. In: Vector of Non-fiction in Slavic Literatures of Central and South-Eastern Europe. Moscow. 2018, pp. 38–57.

Paustovsky K.G. Selected Works: In 3 vols. Vol. 1. Moscow. Russkaya Kniga Publ. 1995. 720 p.

Sofronova L.A. History and Culture. In: Culture and History. Moscow. 1997, pp. 11–22.

Teige K. Poetismus. In: Avantgarda známá a neznámá: Od Proletářského umění k poetismu. 1919–1924. Sv. I. Praha. Svoboda. 1971, ss. 554–561.

Vinogradov V.N. On New Approaches to the History of the World War I // In: The World War I in Slavic Literatures and Cultures of Central and South-Eastern Europe. Moscow. 2004, pp. 10–13.

Zatonsky D.V. Erich Maria Remarque, or Twenty Years Later. In: Art Landmarks of the Twentieth Century. Moscow. 1988, pp. 102–112.

Сведения об авторе:

Наталия Михайловна Куренная,
доктор филол. наук
ведущий науч. сотрудник
Институт славяноведения РАН

Natalia M. Kurenaya,
Doctor of Philology
Leading Researcher
Institute of Slavic Studies RAS

ikurennoy@gmail.com